

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

О. И. Ильинская*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПА ЗАПРЕЩЕНИЯ АГРЕССИВНЫХ ВОЙН ДО СОЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Сегодня мы изучаем позавчера с тем, чтобы вчера не смогло парализовать сегодня, а сегодня не могло парализовать завтра.

Ф. Мэйтланд

Аннотация. Первые международно-правовые акты универсального масштаба, имевшие целью ограничение права государств на войну, начали разрабатываться лишь в конце XIX — начале XX в. Автор проводит юридический анализ всех таких международно-правовых актов, уделяя особое внимание Уставу Лиги Наций, принятому в 1919 г., где содержались весьма существенные ограничения традиционно признававшегося права государств на войну. Тем не менее логическое толкование Устава Лиги Наций приводит к выводу о наличии в нем своего рода процедурной уловки, использование которой открывало перед государствами широкие возможности для обращения к войне.

Рассматривая Парижский договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики 1928 г. (Пакт Бриана — Келлога) как первый универсальный международный договор, установивший запрет агрессивной войны, автор обращает особое внимание на его существенные недостатки, один из которых состоял в том, что упомянутый запрет касался исключительно войны в собственном смысле этого слова, тогда как иные формы применения вооруженной силы в международных отношениях государств оказались, по сути, вне сферы его действия. Указанное обстоятельство обусловило необходимость выработки определения агрессии и закрепления такого определения в международном акте. Предпринятые в этом направлении усилия также нашли освещение в данной статье. Обстоятельному исследованию подвергаются и другие (помимо двух вышеупомянутых) многосторонние, а также двусторонние международные договоры, открывшие путь к формированию принципа неприменения силы в международных отношениях, закрепленного впоследствии в Уставе ООН. Кроме соответствующих международных норм, предметом исследования стали и доктринальные разработки, в частности те, которые относятся к периоду зарождения науки международного права и свидетельствуют о постепенном укоренении в правосознании идеи о необходимости ограничения права государств на войну.

^{125993,} Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

© Ильинская О. И., 2017

Ильинская Ольга Игоревна, кандидат юридических наук, старший преподаватель Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) oilinskaya@mail.ru

Ключевые слова: агрессия, агрессивная война, запрещение агрессивных войн, Устав Лиги Наций, Пакт Бриана— Келлога, международное право, Конвенция Драго— Портера, принципы международного права, международные правовые акты, право на войну.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.167-176

ервые официальные попытки ограничить на универсальном уровне право государств на войну (jus ad bellum) относятся к концу XIX — началу XX в. До этого определение целесообразности объявления войны, постановка ее целей всецело оставались на свободное усмотрение государств, т.е. обращение к войне являлось нормальным проявлением суверенитета государств¹. Именно исходом вооруженного конфликта, благоприятным (неблагоприятным) для того или иного государства, и определялся его международный авторитет. Как указывает в своем монографическом исследовании Й. Динштайн, исключение из этого общего правила составляли двусторонние соглашения, в которых стороны договаривались не обращаться для урегулирования споров к вооруженной силе².

Между тем уже в период зарождения науки международного права идеи о противоправности «несправедливых» войн, необходимости их исключения из практики межгосударственных отношений овладевали умами выдающихся ученых. Испанский богослов и юрист Ф. де Витория³ полагал, что войны могут вестись только для исправления неправого дела⁴. Аналогичной позиции придерживался и его соотечественник Б. Айала, по мнению которого война может использоваться лишь в порядке самозащиты или как крайнее средство обеспечения права, когда справедливость и разум не дали результата. Только после того, как переговоры не привели к

цели, справедливые претензии суверена могут обеспечиваться силой⁵. Четкое различие между справедливой и несправедливой войной обнаруживаем у Г. Гроция. В своем фундаментальном труде «О праве войны и мира» (De jure belli ас pacis, 1625) он признает законность войны, поскольку нет власти выше суверенных государств, чтобы их рассудить, но при обязательном условии, что такая война справедлива, т.е. если она ведется в ответ на несправедливость. Случаи же несправедливости определяются естественным правом. Они возникают, когда имеет место нарушение основных прав, признаваемых естественным правом за суверенными государствами: право на равноправие, право на сохранение, право на уважение, право на международную торговлю. Ни одно государство не может нарушать основные права других. Всякое несоблюдение этого запрета открывает право на законную оборону⁶. Рассуждения о справедливых и несправедливых войнах содержатся и в работе швейцарского юриста Э. де Ваттеля. Он полагал, что «право применить силу или вести войну принадлежит нациям только для защиты и поддержания своих прав. Если кто-либо нападает на нацию или нарушает ее совершенные права, то он наносит ей обиду. С этого момента... нация вправе дать ему отпор...». Соответственно, основанием справедливой войны, по мнению Э. де Ваттеля, является «обида, или уже нанесенная, или явно угрожающая»⁷.

¹ Так, К. Иглтон подчеркивал, что война, будучи атрибутом суверенного государства, представляла собой «средство, с помощью которого государство пыталось осуществить свои интересы, решить свои споры, реализовать собственные права и устремления» (*Eagleton C.* Analysis of the problem of war / Clyde Eagleton. N. Y.: Ronald Press Company, 1937. P. 79).

² Dinstein Y. War, Aggression and Self-defence. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 73.

³ Его идеи были изложены в лекциях, посмертно опубликованных в 1557 г. в работе Relecciones teologicas («Теологические рассуждения»).

⁴ Cm.: The Reflections in Moral Theology of the Very Celebrated Spanish Theologian. Franciscus de Vitoria. The Classics of International Law. Washington, 1917. 4th principal question. Proposition III.

⁵ Cm.: Three Books On the Law of War And on the Duties Connected with War And on Military Discipline by Balthazar Ayala. Edited by J. Westlake. Vol. II. The First Book. Chapter II. Translation by J. P. Bate. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1912. Sec. 11. P. 10.

⁶ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1948.

⁷ Ваттель Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 439.

Однако подобные подходы остались чисто теоретическими, а позитивное право их игнорировало. И если на практике государства часто считали возможным ссылаться на юридические или моральные причины для оправдания собственных воинственных предприятий⁸, то делалось это скорее из соображений психологических, а не вследствие юридических обязательств. Поэтому складывалась вполне понятная ситуация: чтобы свободно прибегнуть к вооруженной силе, не будучи при этом обязанными представлять оправдание, государствам нужно было всего лишь решиться на использование такого средства, как война. При этом «международное право не делало никаких различий между государством-агрессором и государством — жертвой агрессии. Действия обеих сторон — как нападающей, так и защищающейся — считались в равной степени правомерными»⁹. В то же время, если государство соблюдало самую умеренную форму вооруженных репрессалий, ему следовало обосновать такие действия приемлемой юридической причиной.

Первой реакцией на неумеренное применение вооруженных репрессалий стала вторая Гаагская конвенция 1907 г., официальное название которой — Конвенция об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам. Уже само название Конвенции говорит о весьма узкой сфере ее применения. Небезынтересна и непосредственная причина появления данной дипломатической инициативы. Она была вызвана морской блокадой и обстрелом портов, предпринятыми в качестве репрессивных мер Италией, Германией и Великобританией против Венесуэлы в 1902 г. Правительство этой страны, переживавшей острый финансовый кризис после гражданской войны, вынуждено было приостановить погашение задолженности перед иностранными гражданами. Морская операция 1902 г. имела целью принудить Венесуэлу выполнять свои договорные обязательства. Указанный инцидент обеспокоил как другие латиноамериканские страны, часто переживавшие аналогичные трудности, так и США, не признававшие никакого вмешательства Европы на американском континенте (доктрина Монро). В связи со сложившейся ситуацией бывший в то время министром иностранных дел Аргентины Л. М. Драго сформулировал доктрину, согласно которой принудительное взимание государственных долгов противоречило международному праву. По мнению Драго, применение силы в данном случае противоречило суверенитету государства-должника и случайному характеру такого вида долгов. Соединенные Штаты решили воспользоваться возможностью, предоставленной второй Гаагской конференцией, чтобы возвести указанную доктрину в ранг нормы международного права. Здесь следует отдать должное американскому представителю Х. Портеру, который со своей задачей успешно справился¹⁰.

Свое нормативное закрепление принцип доктрины Драго получил в ст. 1 упомянутой Конвенции: «Договаривающиеся Державы согласились не прибегать к вооруженной силе для истребования договорных долгов, взыскиваемых Правительством одной страны с Правительства другой страны как причитающихся ее подданным. Однако это постановление не может иметь применения, когда Государстводолжник отвергает или оставляет без ответа предложение о третейском разбирательстве или, в случае принятия такового, делает невозможным установление третейской записи или, после третейского разбирательства, уклоняется от исполнения постановленного решения»¹¹. Как видим, у государств-должников существовала возможность избежать войны или вооруженных репрессалий по отношению к ним, однако лишь в том случае, если они соглашались разрешать споры мирным путем.

И хотя данная Конвенция практически не затронула права государств обращаться к вооруженной силе по своему усмотрению, ее, на наш взгляд, следует оценивать как существенную веху начала пути по созданию объектив-

¹¹ Международное право в избранных документах. М., 1957. Т. 1. С. 117.

⁸ Как отмечал Г. И. Тункин, «для оправдания нападения всегда находились те или иные претензии к государству, на которое совершалось нападение, претензии основательные или неосновательные» (*Тункин Г. И.* Теория международного права / под общ. ред. Л. Н. Шестакова. М., 2000. С. 40).

⁹ *Пушмин Э. А.* Мирное разрешение международных споров : международно-правовые вопросы. М., 1974. С. 17.

¹⁰ Неофициально указанная Конвенция именуется Конвенцией Драго — Портера.

ных предпосылок для установления на международном уровне юридического запрета на агрессивные войны и обязательного использования мирных средств разрешения споров.

Еще один универсальный международный договор, установивший некоторые ограничения права на войну, — Первая Гаагская конвенция 1907 г. (Конвенция о мирном решении международных столкновений)¹². Ее участники согласились приложить все усилия к тому, чтобы избежать применения вооруженной силы. До применения силы следует обращаться к мирным средствам урегулирования. Война, таким образом, не исключалась из арсенала средств разрешения международных споров. О том, что война продолжает оставаться правомерным, но самым крайним средством разрешения споров писал, в частности, австрийский ученый Ф. Лист. По его словам, «самым крайним средством для осуществления действительного или воображаемого права, ultima ratio для решения международно-правовых споров остается и в современном международном праве война»¹³. При этом одна из целей дальнейшего развития международного права заключается в «ограничении военной самопомощи случаями крайней необходимости, а следовательно, в развитии и обеспечении третейского разбирательства в спорах между государствами»¹⁴.

И все же можно, на наш взгляд, утверждать, что осознание необходимости запрета применения силы в качестве инструмента реализации внешней политики было обусловлено таким эпохальным событием, имевшим место в первой четверти ХХ в., как Первая мировая война¹⁵. Тем не менее даже после ее окончания государства оказались не готовы к принятию столь жесткого решения. В Уставе Лиги Наций, принятом в 1919 г., они согласились лишь на частичное ограничение своей традиционной компетенции в вопросе войны. Так, в преамбуле упомянутого документа говорится о важности принятия лишь «некоторых обяза-

тельств не прибегать к войне»¹⁶. Уже сама приведенная формулировка показывает, что лишь некоторые войны стали определенно рассматриваться как незаконные (противоправные), другие же оставались законными. Очевидно, что действенность данного подхода зависела от понятности и объективности критериев незаконной войны и, что не менее важно, от возможности обеспечить их соблюдение.

Что касается незаконных войн, то основной их вид составляют агрессивные войны. Именно они формально запрещались ст. 10 Устава Лиги Наций, в которой говорилось об обязанности членов Лиги «уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость» друг друга.

Положения, содержащиеся в других статьях Устава (ст. 12-15), закрепляют тесную связь между запрещением применения силы и обязанностью мирного разрешения международных споров. Так, из п. 1 ст. 12 Устава следует, что незаконной считается любая война, начатая до того, как ставший ее причиной спор был подвергнут либо третейскому разбирательству, либо судебному разрешению, либо рассмотрению Совета, а также до истечения трехмесячного срока после решения третейских судей или судебного постановления или доклада Совета. Положение о недопустимости обращаться к войне до истечения упомянутого трехмесячного срока можно расценивать в качестве своего рода «моратория на войну». Именно эта процессуальная норма должна была воспрепятствовать развязыванию вооруженных конфликтов путем неконтролируемой эскалации. Еще одним видом незаконной войны признавалась война, начатая против государства, выполняющего решение третейских судей или судебное постановление (п. 4 ст. 13), а также война против государства, сообразующегося с выводами доклада, принятого Советом единогласно (п. 6 ст. 15).

¹² Ей предшествовала одноименная Конвенция 1899 г.

¹³ Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Юрьев (Дерпт), 1917. С. 381—382.

¹⁴ Лист Ф. Указ. соч. С. 383—385.

¹⁵ Идея запрещения и преступности агрессивной войны впервые получила свое четкое оформление в первом декрете Советского государства — Декрете о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г. Агрессивная, захватническая война объявлялась «величайшим преступлением против человечества» (см.: Международные отношения и внешняя политика СССР: сб. документов. 1871—1957 гг. М., 1957. С. 49).

¹⁶ Текст Устава Лиги Наций см.: Международное публичное право : сб. документов / сост. и авт. предисл. К. А. Бекяшев, Д. К. Бекяшев. М., 2009. С. 40—46.

Таким образом, обращение к войне стало признаваться противоправным лишь в указанных случаях¹⁷. Соответственно, несложно определить те виды войн, которые признавались допустимыми (правомерными). А именно те, которые обосновывались защитой права, «предоставляемого международным правом исключительно ве́дению внутренней юрисдикции» государства (п. 8 ст. 15). Здесь обращает на себя внимание положение, согласно которому определение того, касается ли спор вопроса, предоставляемого международным правом исключительно ве́дению внутренней юрисдикции государства, осуществлялось на основании утверждений одной из сторон спора и последующего их признания Советом («Если одна из Сторон утверждает и если Совет признает...»). И если Совет в своем докладе констатировал, что спор касается именно такого вопроса, то какого-либо решения он не предлагал (п. 8 ст. 15). А это значит, что сторона спора, заявившая о том, что «спор касается вопроса, предоставляемого международным правом исключительно ведению ее внутренней юрисдикции», получала возможность по своему усмотрению обращаться к любым (в том числе связанным с использованием вооруженных сил) средствам оказания давления для обеспечения своих прав. Очевидно, что приведенные положения п. 8 ст. 15 представляли собой процедурную уловку, с помощью которой открывались практически безграничные возможности для обоснования «войны во исполнение права».

Кроме того, правомерными признавались войны, ведущиеся при осуществлении права на самооборону (хотя в самом Уставе право на самооборону и не получило текстуального закрепления).

Правомерность остальных войн обусловливалась неудачным исходом обращения к средствам мирного урегулирования споров, предусмотренным Уставом. В первую очередь законной считалась война, направленная против государства, отказывающегося от выполнения решения третейских судей, судебного постановления или единогласно принятого доклада Совета (п. 4 ст. 13; п. 6 ст. 15). Если Совету Лиги Наций не удавалось принять доклад единогласно, государства вправе были поступать «как они считают подходящим для сохранения права и правосудия» (п. 7 ст. 15), то есть опять-таки не исключалась возможность обращения к войне. В подобных случаях считалось, что ни одной из спорящих сторон не удалось закрепить свои доводы в бесспорном порядке с юридической и политической точки зрения.

Оценивая приведенные положения Устава Лиги Наций, представляется возможным согласиться с выводом Дж. Кунца о том, что система Устава Лиги Наций ни в коей мере «не возрождает идею bellum justum... концепция bellum justum была заменена концепцией bellum legale»¹⁸.

Далее полагаем целесообразным кратко осветить предпринятые в рамках Лиги Наций шаги по международно-правовому запрещению агрессивных войн. Так, в 1923 г. Ассамблеей Лиги был рассмотрен проект Договора о взаимной помощи, в ст. 1 которого закреплялось следующее: «Высокие Договаривающиеся Стороны торжественно заявляют, что агрессивная война есть международное преступление, и каждая в отдельности обязуется, что ни одна из них не будет виновна в его совершении» 19. Международным преступлением агрессивная война провозглашалась и в преамбуле Протокола о мирном разрешении споров, принятого в 1924 г. в Женеве. Согласно положениям Протокола, в случае нарушения государством обязательства разрешать споры мирным путем оно рассматривалось как агрессор, что предоставляло возможность принятия против него соответствующих мер. Однако указанные международные акты в силу так и не вступили.

Еще одним важным документом, закрепившим положение о противоправности агрессивной войны, явилась Декларация об

TEX RUSSICA

¹⁷ При этом следует обратить внимание на то, что Устав Лиги Наций не предусматривал возможности активных действий со стороны Совета или Ассамблеи Лиги, которые могли подвигнуть государства принять то или иное решение и провести его в жизнь (см.: Курс международного права : в 6 т. Основные принципы современного международного права. М., 1967. Т. 2. С. 151).

¹⁸ Kunz J. L. Del Derecho Internacional Clasico al Derecho Internacional Nuevo: Seis Conferencias dictadas en los Cursos de Invierno de la Facultad de Derecho de la Universidad Nacional Autónoma de México. Mexico: Imperenta Universitaria, 1953. P. 49—50.

¹⁹ Brownlie I. International law and the use of force by States / Ian Brownlie. Oxford: Clarendon Press, 1963. P. 68.

агрессивных войнах, единогласно принятая Ассамблеей Лиги в 1927 г. В ней указывалось, в частности, что «всякая агрессивная война является и остается запрещенной...»²⁰. И хотя Декларация не является международно-правовым актом, она, как и вышеуказанные акты, бесспорно, представляет собой важную веху в формировании принципа запрещения агрессивных войн.

Кроме того, практиковалось заключение двусторонних и региональных соглашений, в которых их участники принимали на себя обязательства воздерживаться в своих взаимных отношениях от обращения к войне. В качестве примера двустороннего соглашения укажем Договор между СССР и Литовской Республикой 1926 г., согласно которому каждая из договаривающихся сторон обязывалась «воздерживаться от каких бы то ни было агрессивных действий против другой стороны»²¹. Примером соглашения регионального масштаба может служить принятый на Локарнской конференции 1925 г. общий гарантийный договор между Германией, Бельгией, Францией, Италией и Великобританией (Рейнский пакт), который содержал, в частности, обязательство Германии, Франции и Бельгии не нападать друг на друга и разрешать возникающие споры методом мирного урегулирования²².

Несмотря на все предпринимавшиеся в рамках Лиги Наций попытки поставить агрессивную войну вне рамок правового поля, решающий шаг был сделан вне рамок Лиги. Им

стало заключение в 1928 г. Парижского договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, известного как пакт Бриана — Келлога²³. Договор вступил в силу 24 июля 1929 г. и в 1939 г. распространялся на 63 государства, что делало его бесспорно универсальным документом, учитывая количество государств, существовавших в то время²⁴. Статья 1 Договора гласит: «Высокие Договаривающиеся Стороны торжественно заявляют... что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики». Представляется, что формулировка «отказываются от войны» была выбрана не случайно: в ней прослеживается стремление оградить национальные чувства государств. Такое волеизъявление свидетельствует также о том, что речь шла не о кодификации или об обобщении нормы действующего права, а о ее создании. Как отмечал Г.И.Тункин, «Парижский пакт 1928 г., если рассматривать его постановления в их взаимной связи, несомненно, вводил в международное право новый, весьма важный принцип. Отказ от войны "в качестве орудия национальной политики", подкрепленный к тому же обязательством разрешать споры только мирными средствами, означал именно отказ от агрессивной войны, то есть войны, которую государство начинает первым... Под войной в качестве "орудия национальной политики" понималась в пакте война, которую

²⁰ Brownlie I. Op. cit. P. 72.

²¹ Документы внешней политики СССР. Т. 9 : 1 января — 31 декабря 1926 г. М., 1964. С. 446.

²² Договор вступал в силу после того, как Германия становилась членом Лиги Наций (сентябрь 1926 г.) и получала в Совете Лиги постоянное место как великая держава (см.: Международные отношения и внешняя политика СССР. С. 87).

²³ В 1927 г. Франция и США начали переговоры с целью возобновления договора об арбитраже. Министр иностранных дел Франции А. Бриан предложил включить в него обязательство обоих государств об отказе от применения силы в их взаимоотношениях. Тогда госсекретарь США Ф. Келлог высказал идею о том, чтобы привлечь к переговорам и другие государства с целью заключения многостороннего договора о всеобщем запрете войны. Договор первоначально подписали США, Франция, Великобритания, Германия, Италия, Япония, Бельгия, Польша, Чехословакия, а СССР присоединился 6 сентября 1928 г., т.е. менее чем через две недели после подписания, состоявшегося 27 августа.

²⁴ Только 4 государства — Аргентина, Боливия, Сальвадор и Уругвай — не были участниками договора. Однако и они были связаны аналогичными обязательствами, содержавшимися в межамериканском пакте Сааведра Ламаса, заключенном в Рио-де-Жанейро 10 октября 1933 г. (исп. Pacto antibélico Saavedra Lamas. Называется так по имени Карлоса Сааведра Ламаса, бывшего в 1932—1933 гг. министром иностранных дел Аргентины). Данный пакт не просто повторял содержание пакта Бриана — Келлога, но и включал положение о непризнании оккупации, а также приобретения территорий, осуществленных силой оружия (см.: *Dinstein Y.* Op. cit. P. 154).

начинает само государство, в отличие от действий, предпринимаемых по постановлению компетентного международного органа»²⁵.

В силу своего общего характера и практически универсального действия данный международный акт, считающийся кульминационным достижением пацифистской дипломатии²⁶, более убедительно, чем Устав Лиги Наций покончил с традиционным правилом дискреционной компетенции в вопросе войны. Это подтверждается прежде всего тем, что в 1946 г. Нюрнбергский трибунал осудил военные преступления, представленные к его разбирательству, именно на основе пакта Бриана — Келлога.

Однако обращает на себя внимание то, что закрепленный в данном пакте запрет агрессивной войны не подкреплялся положениями о процедурах коллективного принуждения по отношению к тем, кто его нарушает, а весьма расплывчатая формулировка преамбулы, согласно которой «всякая подписавшаяся держава, которая впредь стала бы пытаться развивать свои национальные интересы, прибегая к войне, должна быть лишена преимуществ, вытекающих из настоящего Договора»²⁷ не вносит определенности. Разумеется, в отношении государств — нарушителей пакта, являвшихся одновременно членами Лиги Наций, могли быть применены санкции, установленные ст. 16 Устава Лиги Наций. Однако и такое решение содержало ряд недостатков. Во-первых, оба приведенные документа не совпадают материально. Упомянутая ст. 16 могла применяться только к незаконным войнам, признававшимся таковыми согласно данному акту, тогда как пакт Бриана — Келлога запрещал любые войны кроме тех, которые могут вестись в общих интересах государств. Как отмечал И. И. Лукашук, «война, согласно этому документу (пакту Бриана — Келлога. — О. И.), допустима лишь как орудие интернациональной политики, т.е. в общих интересах государств...»²⁸. Заметим, что попытки внести изменения в Устав Лиги Наций с тем, чтобы привести его в этом плане в соответствие с пактом, успехом не увенчались. Вовторых, данные международно-правовые акты не совпадают и по сфере применения ratione personae, поскольку государства, участвовавшие в одном из них, не всегда участвовали в другом.

На отмеченный весьма существенный недостаток пакта обращали внимание в своих работах, в частности, М. Кинтана и Ш. Вишер²⁹. Однако их сдержанная оценка пакта Бриана — Келлога снискала критику. Так, Г. И. Тункин указывал, что эти авторы недооценивают значение такого важнейшего принципа современного международного права, каковым является принцип, запрещающий агрессивную войну³⁰. Конечно, никто не оспаривает того, что «Парижский пакт представлял важный этап в формировании общепризнанного принципа международного права, запрещающего агрессивную войну», или что «большое значение этого принципа международного права неоспоримо»³¹, однако проблема осуществления данного принципа на практике, к сожалению, остается. Прав был Ш. Вишер, говоря о том, что для установления эффективного отказа от права на войну «необходимо нечто большее, чем подписание конвенций между государствами, какими бы торжественными они ни были»³².

Еще один значительный недостаток пакта Бриана — Келлога состоял в том, что установленное в нем запрещение касалось лишь «войны», а это практически приводило к тому, что военные действия, по существу нарушавшие пакт, более не объявлялись в качестве войны³³. Между тем война, как известно, не единствен-

³³ На это обстоятельство обращает внимание профессор Университета г. Франкфурт-на-Майне М. Боте. Он приводит в пример нападение японских войск на Китай в 1930-е гг. (Международное право = Völkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум [и др.]; пер. с нем. М., 2011. С. 818—819).

²⁵ Тункин Г. И. Указ. соч. С. 42.

²⁶ Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 12. С. 25.

²⁷ Международное публичное право. С. 47.

²⁸ *Лукашук И. И.* Право международной ответственности. М., 2004. С. 48. Естественно, война была допустима и в целях самообороны.

²⁹ Подробнее см.: *Тункин Г. И.* Указ. соч. С. 46—47.

³⁰ Тункин Г. И. Указ. соч. С. 46—47.

³¹ Указ. соч. С. 46—47.

³² Visscher Ch. de. Théories et réalités en droit international public. P., 1955. P. 359. Цит. по: Тункин Г. И. Указ. соч. С. 47.

ная форма применения вооруженной силы. Поэтому существовала необходимость выработки определения агрессии и его закрепления в международном акте. Инициатива в этом вопросе принадлежала СССР, когда на Женевской конференции по разоружению 1932—1935 гг., созванной по решению Совета Лиги Наций, советская делегация в 1933 г. предложила проект декларации об определении агрессии, который, однако, не был принят. Тем не менее предлагавшееся Советским Союзом определение в том же году получило нормативное закрепление в заключенных им с 10 соседними государствами конвенциях об определении агрессии. Всего было 3 таких конвенции:

- Конвенция об определении нападения, заключенная в Лондоне между СССР, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном 3 июля 1933 г.;
- Конвенция об определении нападения, заключенная в Лондоне между СССР, Румынией, Чехословакией, Югославией и Турцией 4 июля 1933 г.;
- Конвенция об определении нападения, заключенная в Лондоне между СССР и Литвой 5 июля 1933 г.

В преамбулах упомянутых конвенций подчеркивалось, что пакт Бриана — Келлога запрещает любую агрессию, а также говорилось о необходимости «в интересах всеобщей безопасности определить возможно более точно понятие агрессии для устранения всякого повода к ее оправданию».

Само же определение содержалось в общей для всех трех конвенций статье 2. В ней понятие агрессии раскрывалось через другое понятие — «нападающая сторона», под которой понималось «государство, совершившее первым одно из следующих действий:

- 1) объявление войны другому государству;
- 2) вторжение вооруженных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию другого государства;
- 3) нападение сухопутных, морских или воздушных вооруженных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию, морские или воздушные суда другого государства;

- 4) морская блокада берегов или портов другого го государства;
- 5) помощь вооруженным бандам, образованным на собственной территории и вторгающимся на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требования подвергшегося нападению государства, принять на собственной территории все возможные меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства»³⁴.

На Нюрнбергском процессе в 1946 г. это определение рассматривалось как общепризнанное³⁵.

Немаловажно обратить внимание на тот факт, что в это же время были сделаны шаги и к международно-правовому запрещению применения любой силы в межгосударственных отношениях. Так, на состоявшейся в 1933 г. в Лондоне экономической конференции советская делегация внесла проект Протокола об экономическом ненападении, где говорилось, в частности, о том, чтобы все страны «помимо воздержания от войны как средства разрешения международных конфликтов, полностью отказались от всех явных и замаскированных форм экономической агрессии»³⁶. Обязанность воздерживаться от применения экономического давления закреплялась в некоторых двусторонних договорах. К примеру, Договор о гарантии и нейтралитете между СССР и Персией 1927 г. содержал, помимо прочего, положение о том, что «обе Договаривающиеся Стороны отказываются от участия в экономических бойкотах и блокадах, организуемых третьими державами против одной из Договаривающихся Сторон»³⁷.

В завершение целесообразно привести слова Г. И. Тункина о том, что «международно-правовое запрещение агрессивной войны явилось шагом вперед на пути превращения международного права в более эффективное средство укрепления мира»³⁸.

Однако необходимо было добиться еще большего, поскольку созданная в первой трети XX в. с помощью Лиги Наций и пакта Бриана — Келлога система коллективной безопасности не смогла оправдать связанных с ней ожиданий. Предотвратить ошибки старой системы,

³⁴ Внешняя политика СССР: сборник документов / отв. ред. С. А. Лозовский. М., 1944. Т. 3. С. 646—650.

³⁵ *Лукашук И. И.* Указ. соч. С. 48.

³⁶ Внешняя политика СССР. Т. 3. С. 636.

³⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1965. Т. 10 : 1 января — 31 декабря 1927 г. С. 397.

³⁸ *Тункин Г. И.* Указ. соч. С. 47.

исправить недостатки пакта Бриана — Келлога, выявившиеся за время его действия, должно было учреждение Организации Объединенных Наций, Устав которой вырабатывался в период, когда испытания Второй мировой войны, превзошедшей по жестокости Первую, еще не

прекратились. С принятием Устава ООН, являющегося фундаментом современного международного правопорядка, был установлен запрет на *любое применение силы* в межгосударственных отношениях, а война считается лишь его крайним применением.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1. *Ваттель* Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960.
- 2. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1948.
- 3. $\mathit{Лист}\ \Phi$. Международное право в систематическом изложении. Юрьев (Дерпт), 1917.
- 4. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М., 2004.
- 5. *Пушмин Э. А.* Мирное разрешение международных споров : международно-правовые вопросы. М., 1974.
- 6. Brownlie I. International law and the use of force by States. Oxford, 1963.
- 7. Dinstein Y. War, Aggression and Self-Defence. 3rd ed. Cambridge, 2001.
- 8. Eagleton C. Analysis of the problem of war. N. Y.: Ronald Press Company, 1937.
- 9. *Kunz J. L.* Del Derecho Internacional Clasico al Derecho Internacional Nuevo: Seis Conferencias dictadas en los Cursos de Invierno de la Facultad de Derecho de la Universidad Nacional Autónoma de México. Mexico: Imperenta Universitaria, 1953.
- 10. Three Books On the Law of War And on the Duties Connected with War And on Military Discipline by Balthazar Ayala / ed. by J. Westlake; translation by J. P. Bate. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1912. Vol. II.

Материал поступил в редакцию 6 мая 2016 г.

THE FORMATION OF THE PRINCIPLE PROHIBITING WARS OF AGGRESSION BEFORE THE ESTABLISHMENT OF THE UNITED NATIONS ORGANIZATION

ILINSKAYA Olga Igorevna — PhD in Law, Senior Lecturer at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) oilinskaya@mail.ru

125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

Review. The first international legal instruments of universal scope aiming at limiting the right of States to the war, began to develop only at the end of the XIX — early XX centuries. The author conducts a legal review of all such instruments, paying particular attention to the Charter of the League of Nations adopted in 1919, the year which included very substantial restrictions of the traditionally recognized right of States to war. Nevertheless, the logical interpretation of the Charter of the League of Nations leads to the conclusion that there is some kind of procedural subterfuge that opened broad opportunities for States to resort to war.

Considering the Paris Treaty for the renunciation of war as an instrument of national policy 1928 (the Kellogg-Briand Pact) as the first universal treaty that establishes the prohibition of wars of aggression, the author pays special attention to its significant shortcomings, one of which was that the said prohibition was concerned exclusively with war in the proper sense of the word, while other forms of use of armed force in international relations have been left outside its scope. The above-mentioned circumstance necessitated the elaboration of a definition of aggression and consolidation of such a definition in an international instrument. The efforts made in this direction are also covered in this article. The author conducts a detailed study of other multilateral and bilateral treaties (in addition to the two above-mentioned), paving the way for the formation of the principle of non-use of force in international relations as enshrined in the Charter of the United Nations. In addition to the relevant international standards, the author also studies some doctrinal drafts, in particular those relating to the period of the emerging science of international law and showing a gradual rooting of ideas on the need to limit the right of States to war in the legal conscience.

Keywords: aggression, war of aggression, prohibiting wars of aggression, the Covenant of the League of Nations, the Kellogg-Briand Pact, international law, the Convention Drago-Porter, the principles of international law, international legal instruments, the right to wage war.

BIBLIOGRAPHY

- 1. *Vattel, E.* Right of Peoples or the Principles of Natural Law Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns. M., 1960.
- 2. Grotius, G. On the Law of War and Peace. M., 1948.
- 3. List, F. International Law in a Systematic Approach. Yuryev (Dorpat), 1917.
- 4. Lukashuk, I. I. The Law of International Responsibility. M., 2004.
- 5. Pushmin, E. A. Peaceful Settlement of International Disputes: International Legal Aspects. Moscow, 1974.
- 6. Brownlie, I. International law and the Use of Force by States / Ian Brownlie. Oxford, 1963.
- 7. Dinstein, Y. War, Aggression and Self-Defence / Yoram Dinstein. 3 ed. Cambridge, 2001.
- 8. Eagleton, C. Analysis of the Problem of War / Clyde Eagleton. N. Y.: Ronald Press Company, 1937.
- 9. *Kunz, J. L.* Del Derecho Internacional Clásico al Nuevo Derecho Internacional: Seis Conferencias dictadas en los Cursos de Invierno de la Facultad de Derecho de la Universidad Nacional Autónoma de México/Josef I. Kunz. Mexico: Imperenta Universitaria, 1953.
- 10. Three Books On the Law of War And on the Duties Connected with War And on Military Discipline by Balthazar Ayala. Edited by J. Westlake. Vol. II. Translation by J. P. Bate. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1912.